

Такеши КИТАНО:

"Хорошие фильмы стараюсь не смотреть!"

Профессия — режиссер

Мишель БАЙЕН

— На Западе ваши фильмы имеют больший успех, чем на родине. Как вы это можете объяснить?

— Причина — специфичность японской культуры. Японцы видят людей узкопрофильно. Раньше я был комиком на телевидении, и когда начал снимать фильмы, они сказали: "Смотрите-ка, этот чудик Такеши делает фильм!" Только сейчас, когда я поставил шесть фильмов, мои соотечественники начали воспринимать меня как постановщика. Отчасти — из-за успеха за рубежом. Европа словно экспортировала в Японию мое имя. Странно, не правда ли?

— Творчество каких режиссеров оказало на вас наибольшее влияние?

— Влияний я почти не испытал. Причина очень проста: до того, как заняться режиссурой, я очень мало ходил в кино и видел очень мало фильмов. Конечно, сейчас я стараюсь наверстывать упущенное. Каждый раз, когда встречаюсь с иностранными критиками, они обязательно говорят мне, чье влияние чувствуется в моих работах. После таких бесед я стараюсь посмотреть фильмы, о которых мне говорят, чтобы быть в курсе.

— Таким образом получается, что кино все-таки влияет на ваше творчество?

— Нет-нет, не ловите меня на слове. Обычно я смотрю эти фильмы с одной точки зрения: не повторять ошибок, допущенных их постановщиками. А во время работы намеренно стараюсь не смотреть хорошие фильмы, которые могут на меня повлиять. А если все-таки приходится, стараюсь замечать только то, что не получилось. Возможно, это не очень хорошо, но я из-за этого не переживаю.

— Вы признавались, что "Дети возвращаются" — автобиографичный фильм. Насколько он автобиографичен?

— Это сцены моего детства, увиденные моими глазами. В подростко-

В США его знают как актера (фильм "Джонни-мнемоник"), в Японии предпочитают видеть в нем телеведущего, но 50-летний Такеши Китано предпочитает именовать себя режиссером-постановщиком. В кино его привел Нагиса Ошима, который в 1983 году дал ему роль в своем фильме "Фурио". В 1993 году Китано поставил фильм "Сонатина", который принес ему успех в Европе, а сейчас он снова напомнил о себе лентой "Дети возвращаются".

Режиссер не очень любит пресс-конференции. Отчасти — из-за шрамов, оставшихся на его лице после автокатастрофы в 1994 году. Но он согласился на интервью, чтобы рассказать о своем новом фильме, который стал для него во многом автобиографичным.

вом возрасте мне действительно приходилось заниматься рэкетом на пару с приятелем. На нас тоже нападали. Фильм автобиографичен до той сцены, когда герой начинает заниматься боксом. Дальше мы с ним пошли по разным дорогам.

— Герои вашего фильма вынуждены подчиняться судьбе, даже если они и пытаются выступить против. Это чувство усиливается из-за вашей холодной, отчужденной манеры снимать события?

— Дома меня тоже называют бесстрастным наблюдателем и говорят, что я рассматриваю своих персонажей, словно рыб в аквариуме. И мне совершенно не хочется подходить к ним ближе. Но в жизни я совершенно иной.

— "Дети возвращаются", как и большинство ваших фильмов, рассказывает о потере нравственной невинности. А самому вам приходилось участвовать в

опасных делишках?

— Мне действительно интересны персонажи, лавирующие в мутной воде. Мне кажется, что в жизни любого человека бывают точки раз-

рыва, поворота. Мне повезло больше, чем другим, но и в моей жизни было много неприятностей. Казалось бы, я поднялся на самый верх — чего еще нужно? Но потом пресса начала писать обо мне всякие гадости. Затем я попал в эту автокатастрофу (проводит пальцем по шрамам), мне пришлось уйти с телевидения...

— Вы снялись в Америке в фильме "Джонни-мнемоник". Какое впечатление произвел на вас Голливуд?

— Я словно попал в Диснейленд. Но я быстро заметил, что здесь невозможен ни шаг вправо, ни шаг влево. Словно на конвейере огромного завода, где каждый выполняет свою четко установленную операцию. Мне все время казалось, что меня не понимают, что переводчик неправильно переводит мои слова. Сам я английского не знаю, и мне казалось, что даже в переводе никто не понял ни одной моей фразы. Они совершенно иные, нежели мы.

— Могли бы вы там работать в качестве режиссера?

— Ну, пока мне этого не предлагали. К тому же в США режиссер не имеет права самостоятельно монтировать фильм, а для меня это совершенно невообразимая ситуация. Монтаж для меня самый главный этап постановки. А из-за языкового барьера я не смогу работать с актерами. Мне все американские актеры кажутся хорошими и профессиональными — очевидно, потому что я очень долго вчитываюсь в субтитры.

— Тарантино называет вас своим учителем, а кинокритики видят в ваших фильмах много общего. Вам довелось с ним встречаться в Лос-Анджелесе?

— Мы должны были встретиться, но как-то не вышло. А что касается наших фильмов — и у него, и у меня много насилия и страданий, но мне кажется, что на этом наше сходство заканчивается.

